

10. Кутафьев А.Г. МТС – решающая сила колхозного движения России / А.Г. Кутафьев. – М.: Наука, 1956.
11. Еременко Л.В. Реорганизация машинно-тракторных станций и ее социальные последствия в 1958 – 1965 гг. (на материалах Украины). Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук: спец. 07.00.02. / Л.В. Еременко. – М., 1977. – 21 с.
12. Центральний державний архів громадських об'єднань країни (далі – ЦДАГО) – Ф. 1 – Оп. 24 – Спр. 3565. Копії вихідних писем ЦК КПСС, справки отделов ЦК КП України, докладні записки обкомов КП України, Міністерство сільськогосподарського господарства УРСР і Прокуратури УРСР об забезпеченні колхозов запчастями, сільськогосподарськими машинами і о фактах грубого порушення МТС договорів з колхозами, о ремонті машин. – 6.1-10.12.1954. – 86 арк.
13. ЦДАГО – Ф. 1. – Оп. 24. – Спр. 3074. Работа МТС, МТМ, ремзаводов (ремонт тракторов, обеспечение сельхозмашинами, обеспечения запчастями и горючим). – 18.2-17.8.1953. – 57 арк.
14. Семичаевский М.А. Борьба КПСС за укрепление МТС и повышение их решающей роли в колхозном производстве (1953 – 1957 гг.) / М.А. Семичаевский. – М., 1959. – 130 с.

В.Б. Лапердин

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ГОЛОДА 1946 – 1947 ГГ. В ЗАПАДНОСИБИРСКОЙ ДЕРЕВНЕ

Проаналізовано наслідки голоду 1946 – 1947 рр. у сільській місцевості Західного Сибіру. Голод мав локальний характер і призвів до негативних змін динаміки відтворення населення.

Ключові слова: історична демографія, голод 1946–1947 рр., смертність, народжуваність, соціальна політика влади.

The article examines the consequences of the famine of 1946 – 1947. in rural areas of Western Siberia. Hunger was a local character and led to negative changes in the dynamics of human reproduction.

Key words: historical demography, famine of 1946-1947., death rate, birth rate, social policy of the authorities.

В первые послевоенные годы СССР поразил кризис, связанный с голодом 1946 – 1947 гг. Он не приобрел характер массового бедствия, как голод 1921 – 1922 гг. или 1932 – 1933 гг., однако препятствовал восстановлению страны после окончания Великой Отечественной войны. Цель настоящей статьи – рассмотреть социально-демографические последствия голода 1946–1947 гг. в сельской местности Западной Сибири. Территориальные рамки исследования охватывают Алтайский край, Кемеровскую, Новосибирскую, Омскую и Томскую области в административных границах второй половины 1940-х гг.

Источником для написания статьи послужили документы текущего учета населения, в которых регистрировались случаи рождения и смерти, а также их половозрастные характеристики, позволяющие охарактеризовать влияние послевоенного кризиса на демографическую сферу общества. Кроме того, использовалась делопроизводственная документация местных органов власти (обкомов и облисполкомов). В ней содержатся сведения о продовольственной ситуации в отдельных районах Западной Сибири.

Социально-экономические и природно-климатические предпосылки послевоенного кризиса

описаны в ряде работ российских исследователей. Возникновение и усугубление кризиса изучил В.Ф. Зима [1], а воздействие поразившей страну летом 1946 г. засухи – И.М. Волков [2]. И хотя до сих пор продолжается спор по поводу «первенства» причин, можно констатировать, что послевоенный голод являлся следствием как объективных факторов (климатических условий, приведших к низкой урожайности), так и субъективных (государственной политики).

На региональном уровне проблема послевоенного голода в СССР до сих пор остается «белым пятном», хотя в ряде стран – бывших советских республиках – она привлекла внимание исследователей (например, [3] и др.). Впервые проблему голода 1946–1947 гг. на территории Западной Сибири сформулировал В.А. Исупов [4]. Однако его статья ограничивается только постановкой вопроса. В дальнейшем изучение послевоенного кризиса практически не получило развития. На примере Новосибирской области А.А. Бурматовым были показаны демографические последствия голода [5]. О сложном продовольственном положении в 1947 г. на территории Горного Алтая говорится в монографии А.В. Летова [6]. В статьях И.Б. Карпуниной отражен ход предшествовавшей голоду хлебозаготовительной кампании 1946 г. в Алтайском крае [7]. Хлебозаготовительная кампания 1946 г. в Новосибирской области описана в третьем выпуске сборника «Политика раскрестьянивания в Сибири» [8] и в статье В.А. Ильиных [9].

Первые локальные проявления голода на территории Западной Сибири были зарегистрированы в конце 1946 г., когда в ряде районов стала ощущаться нехватка продуктов питания. В январе 1947 г. в обком ВКП(б) и облисполком Новосибирской области начали поступать сообщения районных руководителей – председателей райкомов и секретарей райисполкомов, а также директоров совхозов и председателей колхозов об угрожающей обстановке в деревне. В них отмечалось, что у населения подходят к концу продовольственные запасы и имеются случаи голодных опуханий. Аналогичное положение сложилось в соседних областях. Согласно донесению в Омский облисполком секретаря районного комитета ВКП(б) и председателя райисполкома Солдатского района, только в двух совхозах – Кошкульском и Маркутлинском – в конце ноября 1946 г. насчитывалось 598 «остронуждающихся», «которым необходимо оказать срочно продовольственную помощь» [10, 136]. Некоторые райисполкомы и райкомы проводили обследования подведомственного им населения и брали на специальный учет семьи, которым требовалась немедленная помощь. Районное руководство не могло ее оказать, так как в ходе хлебозаготовок 1946 г. была изъята значительная часть произведенной сельскохозяйственной продукции. Областные власти также были ограничены в своих действиях, так как для разбронирования продовольственных резервов требовалось разрешение из Москвы. Исполком Омской области выделил в декабре 1946 г. упоминавшимся Кошкульскому и Маркутлинскому совхозам

дополнительно 50 хлебных пайков [10, 134], в то время как им требовалась помощь в десятикратном размере.

Весной положение ухудшилось. Если в январе 1947 г. секретарь Убинского РК ВКП(б) Новосибирской области Ф. Д. Кузнецов писал о затруднениях только в совхозах района: «Запасы у рабочих выходят, положение становится крайне тяжелым» [11, 12], то в апреле 1947 г., по его же сведениям, 1118 семей колхозников, рабочих и служащих района находилось в «бедственном состоянии» [11, 107], а в ряде населенных пунктов наблюдались случаи опухания на почве голода. Нельзя сказать, что областной центр не реагировал на подобные сообщения. Убинскому району было выделено в январе–феврале 1947 г. 1,6 тыс. ц картофеля, 300 ц овощей и «небольшое количество хлеба». Но, как отмечал Ф. Д. Кузнецов: «Оказанная помощь при сложившихся обстоятельствах не могла исправить положение дел с продовольствием» [11, 107].

Подобная ситуация наблюдалась во многих районах Новосибирской области. По сообщению исполняющего обязанности председателя Легостаевского райисполкома И. Шамаева, на начало марта 1947 г. в районе было учтено 580 крайне нуждающихся семей с общим числом жителей в них 2487 чел. (всего в районе проживало около 18 тыс. чел.). Выделенных 13 т хлеба Легостаевскому району оказалось недостаточно [12, 91].

В Омской области обеспечение продовольствием населения было поставлено ничуть не лучше. Председатель Шербакульского исполкома писал в марте 1947 г. в облисполком о голодающих колхозниках: «По данным на 01.03.1947 г., таковых насчитывалось: инвалидов Отечественной войны – 94 чел., семей, мужья которых погибли на фронте, – 270 чел., семей военнослужащих – 119 чел., и от колхозников – 331 семья с количеством 1488 человек». На начало марта в районе насчитывалось 40 человек, больных дистрофией [13, 24].

Бедственное положение рабочих совхозов Омской области описал директор Омского союзмолтреста в своем письме, адресованном председателю облисполкома Л. И. Кузику и министру совхозов СССР Н. А. Скворцову. По его мнению, основной причиной голода рабочих совхозов Омского союзмолтреста являлось снятие их с централизованного снабжения. Если до октября 1946 г. карточками обеспечивалась 31 тыс. чел., то после сокращения карточной системы – только 1528 чел.. Совхозы получали от 15 до 54 рабочих пайков, в то время как численность рабочих в них составляла от 250 до 600 чел. [13, 23]. Совхозы треста перевыполнили в 1946 г. план сдачи зерна государству на 5263 т (или на 143%), для чего пришлось изъять зерно из фондов для общественного питания рабочих [14, 24]. Кроме того, назывались такие причины, как отсутствие скота у рабочих совхозов и дождливая погода, вызвавшая гниение картофеля. В результате этого население указанных совхозов поразил голод. Обращаясь к министру А. Н. Скворцову, автор письма видел следующий выход из создавшегося положения: «Прошу министра добиться решения вопроса о приравнении в снабжении хлебом рабочих совхозов к рабочим городов, увеличить в два раза по сравнению с прошлым годом фонды расхода на общественное питание мяса и молока, так как сейчас

имеется острая необходимость поддержки рабочих семей этими продуктами питания» [14, 25]. Просьба директора Омского союзмолтреста противоречила политике государства, стремившегося за счет сокращения потребления населения добиться экономии в расходовании продовольственных фондов, и поэтому была обречена на провал.

Послевоенный кризис, вызванный голодом 1946–1947 гг., отступал постепенно. Во второй половине 1947 г. нового голода не последовало, хотя малообеспеченные слои населения продолжали испытывать продовольственные затруднения. Урожай 1947 г. позволил улучшить снабжение жителей региона продуктами питания, в том числе в сельской местности. Таким образом, во второй половине 1947 г. на территории Западной Сибири сложились предпосылки для преодоления кризиса.

Хронологические рамки голода в Западной Сибири охватывают период с конца 1946 г. до середины 1947 г. Однако демографическая подсистема общества в силу инертности происходящих в ней процессов стабилизировалась не сразу. Начавшийся в конце 1946 г. голод заметно не отразился на уровне смертности в этот год. Если в 1946 г. на 1000 жителей западносибирской деревни умерло 9,6 чел., то в 1947 г. – 12,9 [15, 75]. Аналогичный рост наблюдался в целом по РСФСР, где уровень смертности в сельской местности повысился с 10,6 до 14,9% [16, 174]. Уже в 1948 г. произошло уменьшение числа умерших в Западной Сибири до 12,2% [15, 75] (в РСФСР – до 12,7% [16, 174]). В последующие годы смертность продолжала снижаться (до 11,7% в Западной Сибири), что свидетельствует о преодолении кризиса [15, 75]. Несмотря на это, уровень смертности оставался выше показателей 1946 г., что свидетельствует о сохранении тяжелого материально-бытового положения в деревне.

В послевоенные годы происходил компенсаторный рост рождаемости, обусловленный повышением доли мужчин в составе населения вследствие их возвращения домой из армии. Голод привел не только к увеличению смертности в 1947 г., но и к снижению числа зачатий, что отразилось на показателях рождаемости. Если в 1947 г. на 1000 жителей западносибирской деревни родилось 32 ребенка, то в 1948 г. – 31,6 [15, 75]. Голод являлся причиной снижения числа родившихся и уменьшения эффективности компенсаторной волны. В 1949 г. рождаемость вновь повысилась до 35,7%, что объясняется преодолением кризиса и ростом числа отложившихся во время него рождений. Аналогичная картина наблюдалась в целом по РСФСР, где рождаемость в сельской местности в 1947 г. составляла 27,0%, в 1948 г. – 25,9, а в 1949 г. – 32,5% [16, 174].

Таким образом, голод 1946–1947 гг. вызвал ряд негативных последствий на территории Западной Сибири. Он не получил широкого распространения, как в ряде областей СССР (таких как Молдавия и Украина). В западносибирской деревне наблюдался только локальный голод, который приобрел характер «чересполосицы»: в одних районах он фиксировался, в других продовольственное положение было более благополучным. Эта дифференциация наблюдалась не только между районами, но и между отдельными колхозами, так как во многих из них созданные запасы продуктов питания и выдача хлеба на трудодни могли

обеспечить минимальные потребности. Впрочем, это не исключало возможности латентного проявления голода в виде недосядания, сопровождавшегося повышением заболеваемости и смертности, что определило рост числа умерших в Западной Сибири. Вместе с тем кризис прервал послевоенный компенсаторный рост рождаемости, уменьшив его эффективность. После преодоления голода наступил период стабилизации демографических процессов, характеризуемый постепенным снижением показателей смертности и увеличением рождаемости в 1949 г.

1. Зима В.Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия / В.Ф. Зима. – М., 1996.
2. Волков И.М. Засуха, голод 1946–1947 гг. / И.М. Волков. // История СССР. – 1991. – № 4.
3. Бомешко Б.Г. Засуха и голод в Молдавии 1946–1947 гг. / Б.Г. Бомешко. – Кишинев, 1990.
4. Исупов В.А. «Черное пятно» в истории Сибири. / В.А. Исупов. // Изв. Сибирского отделения Академии наук СССР. Серия истории, философии и филологии. – 1990. – Вып. 1.
5. Бурматов А.А. Демографические последствия голода 1946–1947 гг. в Новосибирской области / А.А. Бурматов. // Новосибирская область: история и современность: материалы науч.-практ. конф., посв. 75-летию Новосибирской области. – Новосибирск, 2012. Ч. 1.
6. Летов А.В. Социокультурное развитие Горного Алтая в первое послевоенное десятилетие (1945–1953 годы). / А.В. Летов – Горно-Алтайск, 2011.
7. Карпунина И.Б. «Завоевать право рапортовать товарищу Сталину»: хлебозаготовительная кампания 1946 г. на Алтае / И.Б. Карпунина. // Гуманитарные науки в Сибири. – 2002. – № 2.
8. Политика раскрестьянивания в Сибири. – Новосибирск, 2003. – Вып. 3: Налогово-податное обложение деревни. 1946–1952 гг.
9. Ильиных В.А. Хлебозаготовительная кампания 1946 г. в Новосибирской области / В.А. Ильиных // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2013. – Иркутск, 2013.
10. Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). – Ф. 437. – Оп. 24. – Д. 8.
11. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). – Ф. 4. – Оп. 34. – Д. 252.
12. ГАНО. – Ф. 1020. – Оп. 6. – Д. 34.
13. ГИАОО. – Ф. 437. – Оп. 24. – Д. 21.
14. ГИАОО. – Ф. 437. – Оп. 24. – Д. 20.
15. Лапердин В.Б. Голод 1946–1947 гг. в Западной Сибири: демографический аспект / В.Б. Лапердин. // Гуманитарные науки в Сибири. – 2012. – № 1.
16. Вербицкая О.М. Население российской деревни в 1939–1959 гг.: проблемы демографического развития. / О.М. Вербицкая – М., 2002.

О.Е. Литвиненко

СИСТЕМА АГРОНОМІЧНОГО ОБСЛУГОВУВАННЯ СІЛЬСЬКОГО ГОСПОДАРСТВА УСРР В 1920-Х РОКАХ

Розглянуто питання агрономічного обслуговування в УСРР в період 1920-х рр. Автором розкрито стан агрономічної мережі, її організаційні форми та кадрове забезпечення.

Ключові слова: агроном, УСРР, агрономічне обслуговування, земельні відділи.

In this article the author shows the issue of agronomy services in the USSR during the 1920s by analyzing the state of agronomic network, its organizational forms and staffing.

Keywords: agronomist, USSR, agronomists service, land divisions.

Історія агрономічного обслуговування бере початок в Україні ще з пореформеного періоду. Значний вклад агрономів у реалізацію державної аграрної політики сприяв як утворенню, так і подальшому функціонуванню сільськогосподарського виробництва та виникненню різноманітних агрономічних служб. За сучасних умов цей досвід в історичному аспекті є актуальним, зважаючи на реформування вітчизняного сільського господарства та поширення фермерських господарств.

Окремі аспекти з порушеної нами теми знайшли відображення у науковій історичній літературі [1 – 7]. Водночас доводиться констатувати, що поза увагою науковців залишилося вивчення системи агрономічного обслуговування в УСРР у 1920-х роках. Автор статті ставить за мету дослідити це маловивчене питання.

Відбудова народного господарства на початку 1920-х рр. потребувала об'єднання усієї колишньої агрономічної сили та визначення ключових завдань агророботи. З цією метою 13 – 22 листопада 1922 р. відбувся 1-й Всеукраїнський агрономічний з'їзд у Харкові. Учасники з'їзду намагалися виробити нові методи агрономічної діяльності: від культурно-навчального напрямку, що мав місце в дореволюційний період, до організаційно-виробничого в умовах нової економічної політики. Проте скрутне фінансове становище не сприяло стрімкому запровадженню запланованих заходів, необхідних для глибоких змін в організації селянського господарства. Спочатку основне завдання радянської агрономії полягало переважно в тому, щоб зберегти та зміцнити різноманітні агрокультурні заклади, що уцілили в роки революції: сільськогосподарські школи, дослідні станції, племінні господарства тощо. Тим часом з 1922 р. у міру асигнування коштів з місцевого і центрального бюджетів агрономічна допомога на селі значно поліпшилась і охопила певну частину селянства [8, 79].

Форми агропоміги і методи обслуговування селянства в післяреволюційний період поступово застосовувалися відповідно до загальних тенденцій розвитку сільського господарства. Першочерговими були питання забезпечення посівним насінням, робочою худобою, відновлення культури цукрового буряка в лісостепу та засіву кукурудзи в степу. Агроном залишався однією із ключових фігур на селі. Його функції передбачали не лише консультування селянства з питань ефективності сортових посівів чи обробки ґрунту, а й організацію їхньої праці. Потреба в агрономії настільки зростала, що спочатку з метою збільшення прибутковості господарства розглядався варіант «селянської агрономії», що практикувався, зокрема, на Київщині. Згідно з ним, місцева громада утримувала агронома за свій кошт [9, 19].

Належне агрономічне забезпечення в УСРР, як і загалом в радянській державі, на початку 1920-х рр. було зумовлено низькою ефективністю місцевих агрономічних організацій та їхнім слабким зв'язком із центром. Це призвело до створення нової форми діяльності агрономічних органів – районної агрономії, яка в той час була відомою під назвою «районової». Вона виступала низовим апаратом радянської округової організації у складі земельних відділів. Головною її метою були не лише розвиток і раціоналізація сільського господарства УСРР, а й